

английском языке / Л.В. Савицкая // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе». – Москва – Салоники, 2009. – С. 528-535.

11. Савицька Л.В. Реалізація концепту «хитрість» у російській мові і народній казці: Автореф. дис. к-та філол. наук / Л.В. Савицька. – Харків, 2007. – 20 с.

12. Савицкая Л.В., Скоробогатова Е.А. Концепт “хитрость” в лексической системе русского языка. Концепт “хитрость” в фольклорных текстах. Монография. / Л.В. Савицкая, Е.А. Скоробогатова/ Мин-во образования и науки Украины. ХНПУ имени Г.С. Сковороды. – Х., 2009. – 112 с.

13. Сікорська З.С. Українсько-російський словотворчий словник / З.С. Сікорська. – К.: Вид-во «Освіта», 1995. – С. 244.

14. Словарь русского языка: В 4-х т. / Рос. акад. наук, ин-т лингвист. исслед. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз: Фирма «Политграфресурсы», 1999. – Т. 1 - 4.

15. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус.яз. – М.-Л.: Наука, 1965. – Т. 17.: Х - Я. – С. 145-156.

16. Словник української мови: У 11-ти т. / НАН України. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. – К.: Наукова думка, 1980. – С. 64-65.

17. Словник української мови: У 11-ти т. / НАН України. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. – Режим доступа: <http://www.ex.ua/view/1256140>.

18. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х тт. – Т. 2 / А.Н. Тихонов – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – 856 с.

19. Тлумачний словник української мови: 12500 статей (близько 40000 сл.) / За ред. В.С. Калашника. – Харків: Прапор, 2002. – 992 с.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1973. – Т. IV.: Т – яшур. – С. 240.

21. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П.Я. Черных. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – Т. 2: Панцирь – Яшур. – С. 340-341.

УДК 800.005(075.8)

О. И. Гамали, О. Б. Каневская

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОЭТИКИ А. ГРИНА: ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Гамали О. І., Каневська О. Б.

СПЕЦИФІЧНІ РИСИ ПОЕТИКИ О. ГРИНА: ОНОМАСТИЧНИЙ ПРОСТІР ТА ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНІСТЬ

У статті розглянуто особливості поетики творів О. Грина, зокрема склад і специфіка функціонування власних назв, а також способи реалізації в художніх цілях різноманітних міжтекстових і внутрішньокультурних зв'язків загалом: цитації, цитатних заголовків, алюзій і ремінісценцій, пародіювання, перифрази тощо.

Ключові слова: творчість О. Грина, художній текст, мова художнього твору, ономастичний простір тексту, інтертекстуальність.

Гамали О. И., Каневская О. Б.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОЭТИКИ А. ГРИНА: ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

В статье рассмотрены особенности поэтики произведений А. Грина, в частности состав и специфика функционирования имён собственных, а также способы реализации в художественных целях разнообразных межтекстовых и внутрикультурных связей в целом: цитации, цитатных заголовков, аллюзий и реминисценций, пародирования, перифразы и т.д.

Ключевые слова: творчество А. Грина, художественный текст, язык художественного произведения, ономастическое пространство текста, интертекстуальность.

Gamali O. I., Kanevska O. B.

SPECIFIC FEATURES OF A. GRIN'S POETICS: ONOMASTIC SPACE AND INTERTEXTUALITY

The specifics of A. Grin's poetics are discussed in the article, particularly, the structure and specifics of proper names functioning as well as the ways of realization of various intertextual and intracultural connections on the whole: citation, citation titles, allusions and reminiscences, parodying, periphrasis, etc.,

serving artistic purposes.

Keywords: A. Grin's works of art, piece of art's speech, text onomastic space, intertextuality.

Изучение языка художественной литературы является одной из актуальных проблем современной филологии. Несмотря на обширную научную литературу, посвящённую проблеме стилистики текста (А. Аникина, В. Виноградов, Г. Винокур, И. Гальперин, В. Григорьев, А. Горшков, Н. Купина, Ю. Лотман, Н. Николина, Л. Новиков, В. Одинцов, А. Потехина, Ю. Тынянов, Н. Шанский, Л. Щерба и др.), многие вопросы ещё не решены. И прежде всего потому, что, как представляется, недостаёт именно конкретно-исторических работ, содержащих большой фактический материал, работ, в которых бы анализировались конкретные художественные произведения, конкретные индивидуально-авторские стили.

Художественная достоверность и выразительность языка в произведениях литературы определяется отбором, стилистическим использованием речи, чутким отношением к слову, умением автора использовать его изобразительные свойства, создавать с его помощью яркие образы. Целый ряд работ посвящён анализу индивидуально-авторских стилей отдельных выдающихся авторов (например, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, А. Ахматовой, М. Булгакова, М. Зощенко, В. Маяковского, А. Платонова, М. Цветаевой и др.), однако произведения такого замечательного мастера слова, как Александр Грин, пока ещё ждут своего исследователя. Изучение лексико-стилистических особенностей его произведений представляет определённый интерес и является новым в аспекте составления словаря писателя и определения его художественной картины мира.

Общеизвестно, что стиль и содержание речи взаимосвязаны, должны составлять органическое целое. Поэтому, хотя у писателей стиль весьма разнообразен, но к нему предъявляются особые требования: ясность, чистота, точность речи, образность, эмоциональность и вытекающая из этих особенностей красота. «Особенность стиля – это не что иное, как своеобразие передачи оттенков смысла» [6, с. 6]. Именно в стиле отражается характер, мировоззрение пишущего, т.е. художественная картина автора.

Александр Грин (Александр Степанович Гриневский, 1880-1932) – человек трудной биографии и трудной творческой судьбы. Привычно загадочный Грин... «Беглец из вятского захолустья, мечтающий «о морях, о кораллах», сделавший из своей мечты профессию – странный романтический сказочник, автор книг, которые вполне могли бы быть снабжены пометкой «перевод с английского», особенно учитывая совершенно якобы английскую фамилию» [1, с. 40].

Творчество Грина развивалось по двум направлениям: реалистическому и романтическому. Этим обусловлены особенности словоупотребления автора. Насыщенность определёнными лексическими единицами конкретного текста зависит от избранных автором жанра и направления. Однако все его произведения отличает точность словоупотребления, лаконичность, образность и особая реалистичность изображения. Даже выдуманные автором страны и города (*Зурбаган*, *Лисс*, *Каперна* и др.) настолько реальны, что хочется найти их на карте, а критики назвали эту территорию *Гринландией*. Однако в мире, который создал А. Грин, есть неукротимое стремление личности к духовной свободе, но есть и государство, всей тяжестью своего карательного аппарата обрушивающееся на личность. Не случаен в его произведениях (например, в «Блистающем мире», «Дороге никуда» и др.) образ тюрьмы, имеющий реалистическую основу. В. В. Глотова подчеркивает, что «чтение Грина – отнюдь не легкая прогулка, он оттачивал каждую фразу, наполняя её двумя-тремя значениями. Не случайно последние годы говорят о несомненном влиянии прозы Грина на Платонова, который, как известно, словечка в простоте не молвил» [1, с. 44].

Исследователи [1; 3; 7] отмечают, что в истории литературы многочисленны случаи индивидуальной творческой эволюции от романтизма («раннего», «юношеского») к реализму. Однако у Грина все происходило в обратном порядке. Он начинал с сугубо реалистических рассказов («Заслуга рядового Пантелеева», «На досуге», «Кирпич и музыка», «Рука», «Ерошка», «Лебедь», «Окно в лесу», «Телеграфист из Медянского бора» и др.). Более того, такого же рода произведения проходят через всю его творческую биографию (это «Малинник Якобсона», «Ксения Турпанова», «Тихие будни», «Таинственный лес», «Три брата», «Медвежья охота», «Подаренная жизнь», «За решётками», «Нечто из дневника» «Маятник души», «Пешком на революцию», «Тюремная старина» и т.п.). Однако реалистическая проза Грина меркнет в свете яркого романтического ореола, сияющего над другими его произведениями. Тем более что в его реалистических рассказах отчетливо различимы интонации Чехова, Горького, Куприна, Андреева.

Романтический мир Грина не является эстетически изолированным от движения исторического времени. Романтизм писателя базируется на традиционно-описательной бытовой прозе. Именно в рамках реализма зарождались эстетические принципы будущей романтической концепции писателя: постоянное разоблачение любых форм духовной заурядности, приспособленчества, нена-

висть к серому, убогому существованию, мечта о ярких, сильных людях и чувствах («Приключения Гинча», «Трагедия плоскогорья Суан», «Пропавшее солнце», «Гладиаторы», «Львиный удар», «Пари», «Вокруг света», «Система мнемоники Атлея», «Лунный свет», «Далекый путь», «Путь» и др.).

Цель статьи – выявить специфические черты поэтики А. Грина, проанализировать особенности проявления интертекстуальных связей в ономастическом пространстве его произведений.

Ономастическое пространство гриновских произведений обширно и разнообразно. В его рассказах и повестях бродят персонажи с нерусскими именами: *Дэзи, Фрэзи, Ассоль, Грэй, Хонс, Ромелинк, Гинч, Гнор, Циммер, Дусс, Лонгрен* и мн. др., но в рассказах реалистических и даже «загадочных», посвящённых «русской теме», действуют герои с русскими именами и фамилиями: *Ерошка, Гранька, Петруха, Демьян, Рябинин, Агафьи*, и др. Одни герои живут в выдуманных автором городах: *Зурбаган, Лисс, Каперна*, а другие – объездили полмира и живут в реальных, самых настоящих географических точках: *Вальпараизо, Гавана, Индия, Лиссабон, Нагасаки, Россия, Шанхай* и др.

Интересно, что в научной литературе, посвященной творчеству писателя, отмечается, что следует улавливать гриновские черты прежде всего в тех героях, чьи имена начинаются с заглавной буквы его псевдонима [см. 7]. Например: *Гольц* («Происшествие на улице Пса»), *Геник* (в рассказах «В Италию» и «Маленький заговор»), *Горн* («Колония Ланфиер»), *Грэй* («Алые паруса»), *Гнор* («Жизнь Гнора»), *Гинч* («Приключения Гинча»), *Гарвей* и *Гез* («Бегущая по волнам»), *Галеран* («Дорога никуда») и др. Однако сам Грин писал: «... Я и Гарвей, и Гез, и Эсборн – все совместимо. И со стороны на себя смотрю и вглубь и вширь». Писатель утверждает при этом: «В моих книгах – моя биография. Надо уметь их прочесть», ибо «внешние наблюдения над разными людьми и случаями только помогают мне сконцентрировать и оформить впечатление от самого себя, увидеть разные стороны своей души, разные возможности» (цит. по [3, с.659-690]).

Герои Грина – путешественники, авантюристы, люди, ищущие приключения и острые ощущения. Поэтому рассказы, посвященные теме моря и путешествий, насыщены различного рода экзотизмами: *бирхалле, духаницик, кек-уок, монрепо, сенешал, торнадо, шнабель-клёпс, эспаланада, гризли, татир, марабу* и т.д. Так, в контекстах: *В Гаване рыбу ловят острогами, а в Судане крючками. А где лучший хлеб, знаете ли вы, каракатицы? Я знаю – в; потому что он там бел и мягок, как девушка в восемнадцать лет! Я вам скажу, что в Индии есть слоны и дворцы, тигры и жемчужные раковины. В океане, где я живу, как вы под железной крышей, – вода светится на три*

аришина, а рыбы летают по воздуху на манер га-лок! Это говорю вам я, штурман «Четырех ветров», хотя её и чинили в прошлом году! Попробуй-ка прогуляться где-нибудь в Вальпараизо без хорошего револьвера – вас разденут, как артишок... А где пляшут гейши – я вам и ходить не советую, потому что вы распустите слюни. Поросята! Я вам скажу, что есть места, где ананасы покупают корзинами и они дешевле репы... В Шанхае чай шесть пенни за фунт, и это первого сбора... («Штурман “Четырёх ветров”»); В это время, вылетая на длинных веслах из дремотных лагун, несколько десятков пирог, полных вооруженными туземцами, образовали сомкнувшийся полукруг... («Табу») и др.

Герои азартны, поэтому в рассказах встречается достаточное количество лексики и фразеологии, связанной с азартными играми, например: *карамболь, маркёр, клопшосс, макао, фараон, шестьдесят шесть, выиграть «фуксом», дать хлюста* и т.д. В контекстах: *Отчего это у меня душа болела только раз в жизни, когда я проиграл карамбольный матч косоглазому молодцу в Нагасаки? («Племя Сиург»); ... Как, – бита? Нет, это валет, господин... («Вокруг света»); Здесь он мог получить тридцать очков вперед и выиграть «фуксом» («Тайна дома №41»).*

Характерно для поэтики Грина и использование различных приёмов интертекстуальных связей: цитации, цитатных заглавий, аллюзий и реминисценций, повторяющихся образов, имён известных деятелей истории, науки, искусства, литературы, культуры и под.

В романтико-психологических новеллах, рассказах о приключениях и морях, повествовании об эсеровском движении, конечно же, в связи с различными обстоятельствами повествования, упоминаются имена выдающихся учёных, изобретателей, философов, например: *Фламарион* (франц. астроном); *Лавуазье* (франц. химик); *Лёббок* (англ. естествоиспытатель); *Кювье* (франц. естествоиспытатель); *Рибо* (франц. психолог, психопатолог); *Крафт* (австрийский психиатр); *Лютер* (глава Реформации), *Милль* (англ. бурж. философ); *Гартман* (нем. философ), *Шопенгауэр* (нем. философ); *Герц* (Герц) (австрийский социал-демократ, экономист); *Лассаль* (социалист); *Гераклит* (древнегреч. философ) и т.д.

Часто Грин упоминает известные имена как перифрастические или нарицательные, так, в рассказе «Всадник без головы» *Гуттенберг* (изобретатель нового типа книгопечатания) – это ироническое наименование изобретателя соевого соуса; в рассказе «Дача Большого Озера» как олицетворение изворотливости ума в целях сокрытия правды используется имя *Маккиавелли* (Макиавелли) (итал. политический деятель) и др., вводит их в состав тропов, преимущественно сравнений, вно-

ся новые краски в характеристики персонажей: *Через месяц начался роман с глупой, богатой и доброй девушкой, видевшей во мне по меньшей мере Лассалия* («Рассказ о странной судьбе»); *Аспер, перейдя те пределы, за которыми понятие богатства так же неуловимо сознанием, как расстояние от Земли до Сириуса, тосковал о популярности, подобно Нерону, ездившему в Грецию на гастроли* («Вокруг света»).

Характерной чертой художественного языка Грина является употребление исторических имён, наименований мифических существ в переносном значении. Так, например, *наяды* – в греческой мифологии нимфы, обитательницы вод; в рассказе «Капитан»: *десятифранковая наядка* – портовая «девушка». В «Приключениях Гинча» *Ротшильд* – нарицательное имя богача (происходит от фамилии Ансельма Ротшильда – крупнейшего франкфуртского банкира); в «Рассказе о странной судьбе» – *Соломон* – мудрец; «*вода*» *Сирано де Бержерака* в «Веселом попутчике» – вино. Интересно выражение *...русалки воздуха* – своеобразная гриновская интерпретация мотива древнегреческой мифологии о сиренах, завлекавших своим пением моряков к прибрежным скалам, о которых и разбивались корабли («Русалки воздуха»).

Важным элементом поэтики Грина является активное употребление имён композиторов, писателей, названий произведений и их персонажей (литературных, музыкальных, живописных). Приведём некоторые примеры: *Анакреон, Башкирцева; Ван-Дейк, Годар, Голдсмит, Гонкуры, Клод; Корреджо, Лермонтов, Мольтке, Пушкин, Руже де Лиль, Сетон-Томпсон, Тургенев, Челлини* и др.; «*К Анне*» *Эдгара По* «*Человек с человеком*»; *портрет жены Рембрандта*; «*Тристан и Изольда*»; «*Молитва девы*» (популярная в начале XX в. колыбельная); «*Осенние скрипки*» (вальс композитора В. А. Присовского); «*Пожалей ты меня, дорогая*» (романс Н. Р. Бакалейникова); «*Принцесса Грёза*» (драма Эдмона Ростана); *Домби, Зигфрид, Брунгильда, Капитан Немо, Гарпагон, Бемпо, Ринальдо Ринальдини, кот Киплинга* и др. Например, в контекстах: *По отношению к дочери он был настоящим Домби, хотя славянская кровь мешала ему выдерживать эту маску до конца* («Тихие будни»); *Капитан, похожий на капитана Немо, суровой внешности...* («На реке»); *Я задумался и увидел печального Робинзона на морском берегу в тишине дум* («Человек с человеком»); *Во всем мире у меня есть один любимый поэт, один художник и один музыкант, а у этих людей есть у каждого по одному самому лучшему для меня произведению: второй вальс Годара; «К Анне» – Эдгара По и портрет жены Рембрандта. Этого мне достаточно; никто не променяет лучшего на худшее* («Человек с человеком»).

Даже фамилии собственно гриновских пер-

сонажей вызывают явные историко-литературные ассоциации, например: *Гоголев, Рылеев, Тушин, Фаворский* и др.

Также нужно отметить частотность использования цитат, которые вводятся в авторский текст различными способами (с помощью прямой речи, курсива, со словами автора, без них и т.д.): «*Печной горшок (да-с!) мне дороже: / Я тщу в нем себе варю*» (строки стихотворения Пушкина «Поэт и чернь» (1828) («Шедевр»)); «*Скульптор, не мни покорной / И вязкой глины ком...*» (строки из стихотворения «Искусство» франц. писателя Теофиля Готье («Победитель»)); «*Человек – это звучит гордо!*» (из монолога Сатина в пьесе М. Горького «На дне» («Фандаго»)) и др. В контекстах: *Как сказал Соломон: «Живому псу лучше, нежели мертвому льву»* («Рассказ о странной судьбе»); *Есть порода людей, к которым можно, изменив, отнести слова Гольдсмита: «Я вполне уверен, что никакие выражения покорности не вернут мне свободы и на один час». Соткин мог бы сказать: «Никакие усилия быть образцовым солдатом не доставят мне благоволения унтеров»* («Тихие будни»); – *М-м... гм... надо полагать, что... в соответствии. Так сказал ученый профессор Заратустра. / – Персидский волшебник, надо быть, – заметил Хибадж* (Ф. Ницше «Так говорил Заратустра») («Тайна дома №41»); *... скорбь о равнодушной природе, которая, когда меня не станет, «будет играть»...* – перифраза строфы из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» («Отшельник Виноградного Пика»).

Примером реминисценции является высказывание о Наполеоне Бонапарте («Воздушный корабль»): *... в чьем образе неразрывно сплетено золото имперских орлов с грозной музыкой Марсельезы...*

А. Грин часто использует библейские образы: *... Я был женой Лота* (библ., застыл, оцепенел); *жена Пентефрия* (библ., соблазнительница); «*Нет у тебя Бози инии, разве мене...*» (церковнослав.) и др.

Грин использует и «параллельную» межтекстовую связь (когда одно произведение становится тематической и сюжетной основой для создания другого [2, с. 91]): *... Как молодой орёл взмлет, освобожденный в воздушной пустыне и – крикнет! Что? Не все ли равно! Крикнет – и в крике будет радость жизни...* – переключка с М. Горьким – с мотивами его «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» («Апельсины»).

Характерно для писателя использование цитатных заглавий, например: «*Слон и Моська*», «*Воздушный корабль*», «*Зимняя сказка*» и др.

Встречаются иногда и элементы пародирования, например: «*Мечты в сапогах*» – иронический о поэме В. Маяковского «Облако в штанах» («Тайна дома №41»). Следует подчеркнуть, что

А. Грин не пропускал случая остро задеть футуристов, к которым относился более чем неприязненно. Так, в рассказе «Капитан Дюк» он пишет, что сооруженное из всякого хлама «жилище» старика Бильдера «*сильно напоминало постройки нынешних футуристов как по разнообразию материала, так и по беззастенчивости в его расположении*». А в «Тайне дома №41» говорится о выдуманном Грином издательстве «*Скальпированный футурист*».

А. С. Грин любил создавать варианты («продолжать») или писать от литературного образца. Его рассказ «Возвращение “Чайки”», с одной стороны, имеет предтечу – «Серебро Юга», с другой – сам в некоторых отношениях повторяет сюжетную схему «Челкаша» М. Горького. Но в героическом гриновском рассказе – Черняке – ощущается полемичность по отношению к горьковскому Челкашу.

Таким образом, проведенный нами анализ произведений Александра Грина показывает, что неповторимый гриновский мир, им созданный, результат не просто причудливой игры богатого воображения писателя, но и мастерского, виртуозного владения словом и широким спектром прецедентных текстов литературы и культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глотова В. В. Почему красные паруса стали алыми? / В. В. Глотова // Рус. яз. и лит. в уч. заведениях. – 2005. – №4. – С. 40-44.
2. Горшков А. И. Русская стилистика / Александр Иванович Горшков. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 367 с.
3. Грин А.С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Вступ. ст., сост. В. Ковского; Примеч. А. Ревякиной]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.1. Рассказы 1906-1912гг. – 1991. – 703 с.
4. Грин А. С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Сост. Л. Михайловой; Примеч. А. Ревякиной]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.2. Рассказы 1913-1916 гг. – М., 1991. – 655 с.
5. Грин А. С. Собрание сочинений. В 5-ти т. / Александр Степанович Грин / [Сост. В. Россельса; Примеч. А. Ревякиной, Ю. Первой]. – М.: Худож. лит., 1991. – Т.3. Рассказы (1917-1930гг.); Стихотворения; Поэма. – М., 1991. – 734 с.
6. Мамонов В. А. Практическая стилистика современного русского языка / В. А. Мамонов, Д.Э. Розенталь. – М.: Искусство, 1957. – 176 с.
7. Михайлова А. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество / А. Михайлова. – М.: Наука, 1980. – 216 с.

УДК 811.161.1 '42

А. В. Лукьянова

ДОМИНИРУЮЩЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

Лук'янова Г.В.

ДОМІНУЮЧІ МОТИВИ У РОМАНІ Ф.М. ДОСТОЄВСЬКОГО «ПРИНИЖЕНІ І ЗНЕВАЖЕНІ»

У статті аналізується функціонування домінуючих мотивів роману Ф.М. Достоевського «Принижені і зневажені» як цілісних систем. Зазначається, що в межах цих систем розгортаються асоціативні ряди слів та образів, які наповнюють їх семантичні поля. Герої роману об'єднуються й протиставляються за мотивами принижених і зневажених, любові і егоїзму, святості і жорстокості, що пронизують усю образну структуру роману. Названі мотиви представлені у творі у різних мовно-композиційних формах викладу, в дискурсах героїв, реалізовані подібним лексико-образним матеріалом.

Ключові слова: оповідач, мотив, дискурс, мовно-композиційні форми, семантичне поле.

Лукьянова А.В.

ДОМИНИРУЮЩИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ»

В статье анализируется функционирование доминирующих мотивов в романе Ф. М. Достоевского как целостных систем. Отмечается, что в пределах этих систем разворачиваются ассоциативные ряды слов и образов, наполняющих их семантические поля. Герои романа объединяются и противопоставляются мотивами униженных и оскорбленных, любви и эгоизма, святости и жестокосердия, пронизывающими весь образный строй романа, представленными в различных композиционно-речевых формах изложения, в дискурсах героев и реализованными сходным лексико-образным материалом.

Ключевые слова: повествователь, мотив, дискурс, композиционно-речевые формы, семанти-